

формулы отчасти снисходительно, — смотрѣли на нихъ, какъ на неизбежное ненормальное явленіе въ массѣ темнаго народа, и считали дѣломъ, тяжело преступнымъ съ церковной точки зрѣнія, собственно формулы, въ которыхъ дѣйственность усвоилась темнымъ силамъ, а не силѣ имени Бога (стр. 80).

Даже этихъ краткихъ словъ достаточно, чтобы судить, какимъ цѣннымъ подаркомъ для византологовъ является эта работа А. И. Алмазова. Можно только пожелать, чтобы всѣ помѣщенные въ книгѣ проф. Алмазова греческіе тексты формулъ (стр. 83—120) были переведены на русскій языкъ.

М. Красножёнъ.

H. V. Sauerland и A. Haseloff, *Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier, Codex Gertrudianus in Cividale*. 4°. 1 vol., I + IV + 212 стр., и три атласа — томъ съ 108 рисунками и 62 фототипіями. 4°. Цѣна 75 м.

Городская Трирская Библіотека владѣетъ замѣчательными рукописями, богато украшенными живописью и богато орнаментированными, имѣющими весьма важное значеніе въ исторіи средневѣковаго искусства: рукопись Ада (*Codex aureus*), кодексъ Эгберта, Мергенеровское Евангеліе, Апокалипсисъ. Съ именемъ Трира связана еще одна рукопись, хотя она и находится въ другомъ мѣстѣ — псалтырь *Эгберта Трирскаго*, такъ называемый «*Codex Gertrudianus in Cividale*».

Книга, заглавіе которой выставлено выше, посвящена изданію и изслѣдованію послѣдняго изъ названныхъ кодексовъ — псалтыри Эгберта. Она является весьма цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу по исторіи искусства и заслуги Общества Трирскаго полезныхъ изслѣдованій, что оно къ столѣтнему своему юбилею ¹⁾, въ сознаніи важности памятника, не пожалѣло средствъ на достойное самого памятника роскошное изданіе (атласъ съ прекрасными 62 фототипическими таблицами со всѣхъ миниатюръ и заставокъ) и замѣчательное обслѣдованіе его, сдѣланное соединеннымъ трудомъ двухъ ученыхъ — извѣстнаго знатока литературныхъ рукописей Зауэрланда, и еще молодого, но обогатившаго литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изданій и изслѣдованій въ области исторіи византійскаго искусства Артура Газелова ²⁾.

Изслѣдованіями этихъ двухъ ученыхъ выясняется громадное значеніе памятника не только для исторіи средневѣковаго нѣмецкаго искусства, но и для русскаго. Въ этомъ отношеніи особенно важна часть изслѣдованія, принадлежащая А. Газелову.

1) Festschrift der Gesellschaft für nützliche Forschungen zu Trier zur Feier ihres hundertjährigen Bestehens herausgegeben am 10. April 1901.

2) См. нашу рецензію на его изслѣдованіе и изданіе Россанскаго кодекса (Визант. Врем., 1900, № 3).

Центральный пунктъ обоихъ изслѣдователей — установленіе мѣста происхожденія рукописи. Оба они въ этомъ отношеніи пошли по пути, приготовленному уже другими изслѣдователями (Краусъ, и авторъ введенія къ книгѣ, секретарь общества, не мало потрудившійся для изученія трирскихъ рукописей — Максъ Кеуфферъ), но болѣе ими обоснованному.

Весьма важно и интересно историко-критическое изслѣдованіе памятника Зауерланда, выясненіе имъ его судьбы, какъ онъ, явившись результатомъ литературно-художественной дѣятельности Трира времени епископа Эгберта, попалъ затѣмъ на востокъ, затѣмъ на юго-западъ Германіи и, наконецъ, въ руки св. Елизаветы, патронессы нѣмецкаго государства.

Благодаря изслѣдованію г. Зауерланда уясняется одно остававшееся неяснымъ мѣсто въ русской исторіи, что, конечно, для русскихъ читателей книги представляетъ особенный интересъ.

Весьма важно историко-художественное изслѣдованіе памятника, сдѣланное Газеловымъ. Онъ устанавливаетъ рейхенауское происхожденіе памятника; онъ обставляетъ свое изслѣдованіе цѣлымъ рядомъ сравненій, параллелей, привлекая для этого многочисленные памятники, не ограничивая ихъ тѣснымъ кругомъ такъ называемыхъ западныхъ памятниковъ средневѣковаго искусства; и оттого такъ важны и блестящи результаты его изслѣдованія — въ освѣщеніи развитія искусства времени Оттона, съ главными пунктами этого развитія — Рейхенау и Триромъ, оттого такъ прекрасно уяснены имъ кромѣ даннаго памятника и другія Трирскія рукописи, оттого такъ рельефно выдвинуто имъ значеніе вставленныхъ въ памятникъ пяти «русскихъ» миниатюръ, дающихъ весьма важный матеріалъ для исторіи древне-русскаго искусства.

Все вышесказанное въ достаточной степени, полагаемъ, указываетъ, какое глубокое значеніе и интересъ представляетъ вышеназванная книга, и потому мы постараемся по возможности подробнѣе передать ея содержаніе, останавливаясь особенно на томъ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ византійскому и древне-русскому искусству и русской исторіи.

I.

Псалтырь, подлежащая изслѣдованію вышеназванныхъ ученыхъ, находится въ библіотекѣ Чивидале (Codicī sacri № 6 Cividale); въ ней 233 пергаментныхъ листа, длиной 238 и шириною 188 миллиметровъ.

По изслѣдованію Зауерланда текстъ рукописи распадается на четыре части, послѣдовательность которыхъ въ ней не соотвѣтствуетъ послѣдовательности во времени. Древнѣйшая часть, занимающая въ рукописи третье мѣсто — *псалтырь*. Здѣсь кромѣ текста псалтыри четыре выходныхъ посвященныхъ миниатюры: «Ruodprecht», передающій книгу, архіепископъ Эгбертъ (Echrecht), сидящій на тронѣ и принимающій какъ бы

что-то ему подносимое (конечно, книгу), архіепископъ Эгбертъ, передающій, склонившись и держа на покрытой одеждой рукѣ, очевидно, ту же уже раскрытую книгу изображенному на слѣдующемъ листѣ — патрону церкви ап. Петру. Кромѣ того къ выходнымъ миниатюрамъ относится изображеніе царя Давида, играющаго на арфѣ.

За текстомъ псалтыри, какъ бы его составная часть, слѣдуютъ десять пѣсень: Исаи, Іезекіи, Анны, Моисея и Маріи, Аввакума, Моисея, трехъ отроковъ, Захаріи и Елизаветы, Маріи, Симеона. Далѣе: *Vmnus quem Sanctus Ambrosius et Sanctus Augustinus invicem condiderunt*, Символь Апостоловъ и *Fides Athanasii Alexandrini episcopi*.

Въ текстѣ псалтыри помѣщены также миниатюры на 10 псалмовъ, по одному выходному къ нимъ изображенію епископа трирскаго и большой заставки на слѣдующей страницѣ. Изъ епископовъ изображены: Евхарій, Валерій, Матернъ, Агрицій, Максиминъ, Паулинъ, Ницетій, Маръ, Феликсъ, Модуальдъ, Ліутвинъ, Легонцій, Магнерикъ и Абрункулъ.

Письмо рукописи — большой минускулъ конца X вѣка, переходящій въ серединѣ и въ концѣ рукописи въ малый минускулъ и майюскулъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи рукописи имѣютъ важное значеніе стихи подъ посвятельными миниатюрами: *Donum fert Ruodprecht, quod praesul suscipit Ecbrecht. Qui tibi dat munus, dele sibi, Petre, reatus*. Кто былъ этотъ Ruodprecht и гдѣ онъ жилъ? Краусъ предполагаетъ, что онъ жилъ въ Рейхенау, гдѣ исполнилъ и Евангелистарій. Лампрехтъ¹⁾ полагаетъ, что авторъ псалтыри — Трирскій архіепископъ, а позже архидіаконъ Руотбертъ, извѣстный въ грамотахъ 970—981 годовъ; этого мнѣнія держится и Краусъ въ послѣднее время²⁾.

Зауерландъ оспариваетъ это мнѣніе и считаетъ невозможнымъ, чтобы писцомъ и художникомъ рукописи былъ трирскій архидіаконъ Руотбертъ. Авторъ исходитъ при этомъ изъ слѣдующихъ положеній: высокое званіе Руотберта не позволяетъ предположить, чтобы ему было поручено Эгбертомъ исполненіе рукописи; прекрасное письмо рукописи, твердое, смѣлое не позволяетъ заключить, что бы эта рукопись писалась человѣкомъ въ томъ возрастѣ преклонномъ, въ которомъ находился архидіаконъ Руотбертъ; бессистемный порядокъ въ расположеніи трирскихъ списковъ, начиная съ шестого, не позволяетъ предположить, чтобы рукопись писало лицо, принадлежащее къ трирской епархіи, для котораго обязательно знаніе хронологической послѣдовательности мѣстныхъ списковъ.

Гдѣ-же такимъ образомъ искать этого Руотберта?

Авторъ отвѣчаетъ, что его можно искать и въ Максиминѣ, и въ Евхаріи, и въ Меттлахѣ, но не въ Трирѣ. Онъ отказывается высказаться по этому вопросу окончательно и предоставляетъ рѣшеніе его, т. е. о мѣстѣ

1) *Jahrbuch des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande*, Heft LXX, Bonn, 1881, 59.

2) *Gesch. d. christl. Kunst*. Freiburg im Br. 1897, II, 46.

происхожденія писца и художника, изслѣдователю художественной части рукописи—А. Газелову.

Вторая главная часть рукописи, находящаяся теперь въ концѣ ея (л. 209 и 233), содержитъ въ себѣ литію всѣхъ святыхъ, писанную одной рукой и, очевидно, въ одно время съ псалтырью, въ концѣ X или началѣ XI вѣка, и рядъ молитвъ. Исходя изъ именъ святыхъ, среди которыхъ повторены тѣ же епископы, которые изображены въ миниатюрахъ псалтыри и въ томъ же порядкѣ, г. Зауерландъ полагаетъ, что эта часть рукописи вмѣстѣ съ псалтырью образуетъ одно цѣлое, что онѣ были назначены для употребленія при хоровыхъ молитвахъ въ трирскомъ соборѣ.

Исходя изъ заключенія Газелова о происхожденіи рукописи въ Рейхенау, г. Зауерландъ опредѣляетъ ближайшимъ образомъ время ея написанія: 984 годъ, когда Эгбертъ, возвратившись изъ Италіи и посѣтивъ Рейхенаускій монастырь, могъ заказать тамъ исполненіе этой рукописи и Эгбертскаго Евангеліарія.

Третья часть рукописи, находящаяся на второмъ мѣстѣ, состоитъ изъ такъ называемыхъ *Гертрудіанскихъ* молитвъ и пяти русско-византійскихъ миниатюръ (л. 5—14, и отчасти на боковыхъ строкахъ, краяхъ псалтыри, его приложенія и на послѣдней сторонѣ его, л. 232). Молитвы писаны многими, но очень похожими одна на другую руками, вѣроятно, второй половины XI вѣка.

Содержаніе молитвъ представляется весьма важнымъ для установленія личности молящихся и вмѣстѣ съ тѣмъ для уясненія отношенія ихъ къ изображеннымъ во вставныхъ миниатюрахъ.

Въ этихъ молитвахъ обращеніе идетъ то во множественномъ числѣ, то въ единственномъ — отъ лица женщины, которая называетъ себя грѣшницей. Въ другихъ случаяхъ рабъ Божій, за котораго молятся, представляется въ опасности отъ враговъ — короля и его князей. Въ молитвѣ къ св. Еленѣ молящаяся названа Гертрудой, а рабъ Божій — Петромъ. Въ другихъ молитвахъ молящаяся выражаетъ печаль, что рабъ Божій грубаго и дикаго нрава, и она проситъ Спасителя, чтобы онъ смягчилъ его, и чтобы онъ сталъ мягкимъ и добрымъ.

На л. 9 об., 10 и 10 об., три миниатюры изъ вышеупомянутыхъ византійскихъ: 1) Рождество Христа и поклоненіе волхвовъ, 2) Распятіе Христа съ четырьмя Евангелистами по угламъ и 3) сидящій на тронѣ Спаситель, справа и слѣва отъ котораго по двѣ личности, о которыхъ рѣчь ниже. Далѣе вновь молитвы: въ одной (л. 12 об.) Петръ, за котораго молится Гертруда, выставляется какъ предводитель войска идущаго противъ врага; въ другой (л. 13) молящаяся является больной. Изъ другихъ молитвъ особенно важна — молитва къ св. Петру за Петра. Здѣсь этотъ Петръ рисуется довольно порочнымъ человѣкомъ, и молящаяся, однако, молится за него съ нѣжною любовью, какъ только можетъ (л. 5) молиться мать за свое дитя. Къ молитвѣ Петра относится четвертая ми-

ніатюра съ изображеніемъ великокняжеской фамиліи. На л. 41 пятая мініатюра — Богородица на тронѣ съ младенцемъ.

Молитвы Гертруды и далѣе встрѣчаются въ различныхъ декадахъ псалтыри.

Итакъ несомнѣнно, что Петръ, упоминаемый въ молитвахъ — сынъ молящейся Гертруды. Древнѣйшій изслѣдователь рукописи, епископъ Адри́н, Филиппъ делья Торре (1702—1717), старался установить личность Петра и Гертруды, но оставилъ вопросъ о нихъ открытымъ. Краусъ (въ 1897 г. въ своей исторіи христіанскаго искусства, II, 46) утверждаетъ, что псалтырь Эгберта называется «кодексомъ гертрудіановымъ потому, что онъ попалъ позже во владѣніе королевы Гертруды, супруги Андрея II Венгерскаго». Но, какъ замѣчаетъ авторъ, письмо молитвъ ясно указываетъ, что оно древнѣе этой королевы на столѣтіе (—1213), да на то, что кодексъ былъ въ рукахъ этой королевы, нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ.

Ближе къ истинѣ высказалъ мнѣніе въ 1854 г. историкъ Бетманъ¹⁾: онъ полагалъ, что въ молитвахъ рѣчь идетъ о венгерскомъ королѣ Петрѣ и его матери. Относительно самого кодекса онъ полагалъ, что послѣ созданія его при Эгбертѣ онъ попалъ въ Венгрію и увеличенъ былъ указаннымъ королемъ и его матерью молитвами и мініатюрами, которыя въ Венгріи были исполнены византійскими художниками. Бетманъ правильно указалъ на время происхожденія рукописи, на византійскій характеръ вставныхъ мініатюръ, но, если бы онъ изслѣдовалъ внимательнѣе, говорить Зауерландъ, эти мініатюры, то онъ бы правильнѣе опредѣлилъ происхожденіе молитвъ и самихъ мініатюръ. Правда, обстоятельства жизни, отмѣчаемыя въ молитвахъ для Петра и Гертруды, близко подходятъ къ обстоятельствамъ венгерскаго короля и его матери, имя которой, однако, не извѣстно. Эта мать была сестрой венгерскаго короля Стефана Святого († 1038); въ 1011 году она вышла замужъ за венеціанскаго дожа Отто Урсеоло; послѣдній по причинѣ народнаго возстанія въ 1026 г. долженъ былъ бѣжать съ родины — въ Византію, гдѣ и умеръ въ 1031 году. Отъ указанной четы произошелъ Петръ, которому во время бѣгства отца было 15 лѣтъ; онъ остался при дворѣ своего дяди. Относительно судьбы матери послѣ указаннаго бѣгства ничего не извѣстно; весьма возможно, что она съ сыномъ вернулась въ Венгрію къ брату.

По смерти Стефана и его единственнаго сына Эмериха (1031) на престолъ вступилъ Петръ и правилъ до 1046 года, когда народъ возсталъ противъ него. вмѣсто него былъ призванъ Андрей, скрывавшійся въ Россіи. Но Петръ вступилъ въ борьбу съ Андреемъ, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своею супругою.

Петра во время его правленія сильно беспокоили его внутренніе враги, что, вѣроятно, объясняется его характеромъ и поведеніемъ, какъ

1) Archiv, XII, 679.

короля, о которых венгерскіе историческіе источники отзываются весьма несочувственно.

Такимъ образомъ многое, что узнаемъ изъ молитвъ Гертруды, совпадаетъ съ тѣмъ, что знаемъ изъ исторіи о венгерскомъ Петрѣ. Самое обстоятельство включенія въ псалтырь византійскихъ миниатюръ могло бы быть легко объяснено пребываніемъ отца Петра въ Византіи и дальнѣйшими скитаніями отца (въ Византіи) и супруги и сына (въ Венгріи).

Но одно обстоятельство стоитъ въ противорѣчій въ молитвахъ Гертруды съ указанными данными отношеній венгерскаго Петра къ супругѣ и сыну. Въ одной изъ молитвъ Гертруда проситъ Бога, чтобы онъ смягчилъ и умиротворилъ короля и собраніе князей по отношенію къ ея сыну. Между тѣмъ о враждѣ дяди къ племяннику ничего неизвѣстно, Стефанъ, напротивъ, назначилъ его, помимо другихъ родственниковъ, своимъ наслѣдникомъ; послѣ же смерти Стефана мать не могла разумѣть въ молитвахъ подъ именемъ короля — ея врага Андрея. Другое затрудненіе для пріуроченія Петра къ венгерскому королю: какъ могла псалтырь Эгберта попасть изъ Трира въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ Венгрію, а затѣмъ въ теченіи ближайшаго столѣтія побывать въ Польшѣ, Швабіи, Штиріи и вновь возвратиться въ семью венгерской королевской фамиліи. Но помимо указанныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ къ упомянутому пріуроченію — главное заключается въ пяти миниатюрахъ, вставленныхъ въ текстъ гертрудіанскихъ молитвъ. Изъ этихъ миниатюръ, по мнѣнію Зауэрланда, для рѣшенія вопроса о личности Гертруды и Петра имѣютъ значеніе три, такъ какъ двѣ представляютъ иллюстраціи событій священной исторіи.

Первая миниатюра представляетъ изображеніе Апостола Петра (см. табл. XLII); по обѣимъ сторонамъ его надписи: *о агнос петрос*. Справа отъ него, двѣ молящіяся человѣческія фигуры — мужская и женская, представленныя меньшей высоты сравнительно со святымъ въ двое. Обѣ онѣ въ богатомъ одѣяніи, украшенномъ драгоцѣнными камнями, въ красной обуви, въ золотыхъ съ драгоцѣнными камнями коронахъ. Костюмъ указываетъ, что эти лица — княжескаго званія.

Надъ протянутыми руками молящихся непонятная полустертая надпись, читаемая Зауэрландомъ *фликис* ¹⁾, а надъ головами *пропълакъ* ²⁾.

Впереди указанныхъ лицъ стоитъ на колѣняхъ, припадъ къ ногамъ Апостола, женщина въ великокняжескомъ одѣяніи. Изображеніе это сильно попортилось, какъ и надпись, очевидно, относящаяся къ нему и расположенная ниже ногъ Петра; эту надпись г. Зауэрландъ читаетъ такъ:

^{мр}
^{пропълакъ} (т. е. мать Ярополка).

1) Авторъ сомнѣвается въ правильности. Нельзя ли прочесть *крусъ*, или *книсъ*? Газеловъ читаетъ: *о дик(о)с*

2) Здѣсь въ началѣ Ѳ йотированное, а не ѡ, какъ читаетъ гр. А. А. Бобринскій, Кіевскія миниатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича въ псалтыри Эгберта, архіепископа Трирскаго. Записки Имп. Рус. Арх. Общ., Спб., 1901, XII, 361.

На другой миниатюрѣ (табл. 45) изображенъ Христосъ Вседержитель на тронѣ (надпись $\overline{\text{IC}} \overline{\text{XC}}$). Онъ въ обѣихъ рукахъ держитъ по коронѣ надъ головой съ одной стороны мужчины, одѣтаго въ великокняжескій костюмъ, а съ другой стороны—женщины, одѣтой въ такой-же костюмъ; они протягиваютъ руки въ молении ко Христу, къ которому какъ бы подводятъ ихъ съ одной стороны апостолъ Петръ (σ петрос), а съ другой—св. Ирина (и агла ирина). У ногъ Христа троны, а надъ нимъ четыре символа Евангелистовъ.

Въ этихъ двухъ лицахъ въ великокняжескихъ костюмахъ авторъ видитъ тѣхъ-же Ярополка и его супругу, которые представлены на первой миниатюрѣ.

На третьей миниатюрѣ (таб. 44) изображены четыре Евангелиста, Распятіе Христа, съ предстоящими Богородицей, Иоанномъ, женами и олицетвореніемъ церкви, въ коронѣ, стоящей на колѣняхъ и принимающей въ чашу кровь, текущую изъ ребра Христа. Зауэрландъ неправильно отождествляетъ эту фигуру съ матерью Ярополка, представленной на первой миниатюрѣ, что отмѣчаетъ и Газеловъ далѣе въ своемъ изслѣдованіи.

Итакъ, судя по надписямъ, на первыхъ двухъ указанныхъ миниатюрахъ имѣемъ изображенія несомнѣнно русскаго князя *Ярополка*, его супруги и матери.

Кто же былъ историческій Ярополкъ и кто была его мать Гертруда? спрашиваетъ г. Зауэрландъ и отвѣчаетъ слѣдующей справкой, которую приводимъ дословно: «Въ древней русской исторіи¹⁾ встрѣчаются три князя этого имени. Первый, сынъ Святослава (945 — 972), княжилъ отъ 972 до 980. Третій, сынъ великаго князя Владиміра II (1113 — 1125), былъ до смерти своего старшаго брата Мстислава (1132) удѣльнымъ княземъ въ Переяславлѣ, а послѣ него былъ великимъ княземъ до смерти (1139). Ни тотъ, ни другой изъ обоихъ не могутъ быть тѣмъ лицомъ о которомъ идетъ рѣчь въ Гертрудіановскихъ молитвахъ и въ изображеніяхъ: ни время ихъ жизни, ни обстоятельства жизни не соотвѣтствуютъ этому. Иное дѣло обстоитъ со вторымъ Ярополкомъ, сыномъ великаго князя Изяслава (1054 — 1078) и внукомъ великаго князя Ярославъ (1019—1054)²⁾.

1) Источниками по русской исторіи у автора служили: Strahl, Gesch. des russischen Staates. Hamburg 1832 Bd. I. Schiemann, Russland, Polen und Lievland bis ins XVII Jahrhundert.

2) Гр. А. А. Бобринскій въ своей статьѣ, написанной по поводу разбираемаго изданія, провѣряя заключеніе г. Зауэрланда на основаніи русскихъ лѣтописей, приходитъ къ тому заключенію, что изъ 8 Ярополковъ, жившихъ въ промежуткѣ между 1050 и 1200 годами, только къ одному, къ Ярополку Изяславичу, безспорно относится имя Петра. У Изяслава было три сына: Мстиславъ, Святополкъ и Ярополкъ; первый умеръ въ 1068 г., второй въ 1113 г. и третій въ 1087 г.; такимъ образомъ Святополкъ пережилъ Ярополка на 26 лѣтъ. Какимъ же образомъ великая княгиня Гертруда мо-

«По смерти Ярослава государство было раздѣлено между пятью его сыновьями, изъ которыхъ старшій, Изяславъ (крестное имя Димитрій), получившій въ удѣлъ Кіевъ, долженъ былъ имѣть верховную власть надъ остальными, но онъ скоро разошелся съ ними. Прогнанный изъ своего государства въ 1068 г., онъ убѣждалъ къ своему племяннику, герцогу и впоследствии польскому королю Болеславу II; послѣдній-же въ слѣдующемъ году съ помощью оружія возвратилъ ему власть надъ государствомъ. Но скоро Изяславъ поссорился съ своими двумя братьями, Святославомъ и Всеволодомъ, и былъ во второй разъ ими прогнанъ изъ своего государства въ 1073 г. Онъ опять искалъ убѣжища у Болеслава, но послѣдній, хотя принявъ отъ него принесенныя имъ сокровища, но въ его просьбѣ о помощи отказалъ.

«Затѣмъ Изяславъ обратился съ просьбой къ германскому королю Генриху IV, съ которымъ встрѣтился въ январѣ 1075 г. въ Майнцѣ; и вызвался принять отъ него русское государство въ удѣлъ, если бы ему была возвращена власть надъ нимъ съ помощью Генриха ¹⁾. Генрихъ согласился на просьбу великаго князя и отправилъ въ Россію посольство въ качествѣ посредника для установленія мира между Изяславомъ и его братьями. Во главѣ посольства онъ поставилъ соборнаго пробста г. Трира Бурхарда, изъ дома графа фонъ Штаде, сестра котораго, Ода, была супругой Святослава. Но посольство, кажется, ничего другого не добилося у Святослава кромѣ цѣнныхъ подарковъ для Генриха, которые были переданы имъ лѣтомъ того-же года германскому королю въ Вормсѣ. Въ то время какъ Изяславъ ѣздилъ въ Майнцъ къ германскому королю, онъ прибѣгалъ также еще къ другому средству для полученія обратно власти надъ своимъ государствомъ. Въ согласіи съ своей супругой, полькой римско-католическаго вѣроисповѣданія, онъ послалъ своего сына *Ярополка* въ Римъ къ папѣ Григорію VII.

«Прибывъ въ Римъ, *Ярополкъ* изъявилъ папѣ свою вѣрность и преданность римскому престолу, и вызвался принять отъ него въ качествѣ папскаго лена русское государство, и просилъ о пожалованіи этого лена, увѣряя, что онъ дѣлаетъ все это съ согласія своего отца и матери. Григорій съ готовностью согласился на это предложеніе и пожаловалъ ему просимый ленъ. 17 Апрѣля 1075 г. папа написалъ письмо отцу и его супругѣ письмо, въ которомъ онъ извѣстилъ ихъ о переговорахъ между нимъ и Ярополкомъ въ Римѣ, и обѣщалъ имъ и ихъ государству покровительство св. Петра, и увѣщевалъ ихъ быть вѣрными и послушными по

лится за сына своего единственнаго? Гр. Бобринскій предполагаетъ, что дѣти Изяслава произошли отъ двухъ браковъ: одна изъ его женъ—мать Святполка, другая—мать Ярополка. Такъ какъ Мстиславъ умираетъ рано, то онъ одинаково можетъ принадлежать и тому, и другому браку. См. подробно о другихъ предположеніяхъ, истекающихъ отсюда, въ указ. статьѣ, стр. 368—371.

1) Источниками для польской исторіи у автора были: Roepell, Gesch. Polens. Hamburg 1840. Bd. I. O. Balzer, Genealogia Piastów. W Krakowie. 1895.

отношенію къ послѣднему и объяснилъ имъ, что въ качествѣ передателя этого письма онъ посылаетъ къ нимъ съ устными порученіями пословъ, прося оказать имъ почтительность и добровольное повиновеніе. Очевидно, что папа Григорій могъ обѣщать и обѣщалъ свою помощь великому князю только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Изяславъ и его приверженцы признавали также церковную верховную власть римскаго престола св. Петра. И можно также считать несомнѣннымъ и то, что папа Григорій поручилъ посламъ озаботиться о введеніи русской церкви въ строй римско-католической іерархіи. О послѣдующей дѣятельности посольства, ея успѣхахъ или неудачѣ источники ничего не говорятъ. Но, какъ узнаемъ изъ тѣхъ же источниковъ, братъ Изяслава, Святославъ, умеръ уже въ слѣдующемъ году (1076) и его преемникомъ въ качествѣ великаго князя въ Кіевѣ сталъ третій сынъ Ярослава, Всеволодъ. Но когда въ 1077 г. Изяславъ съ помощью поляковъ опять вторгся въ русское государство, то съ нимъ помирился его братъ Всеволодъ и уступилъ ему опять великое княженіе и столицу Кіевъ. Но уже въ слѣдующемъ году началась борьба между Изяславомъ и двумя родственными ему удѣльными князьями. Изяславъ остался побѣдителемъ, но въ сраженіи былъ смертельно раненъ. Его трупъ привезли въ Кіевъ и тамъ торжественно похоронили въ церкви Божіей Матери 5 Октября 1078 года. Своему сыну Ярополку онъ оставилъ въ удѣлъ княжество Вышгородъ. Затѣмъ Всеволодъ, братъ Изяслава, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ великое княженіе, далъ тому-же Ярополку княжества Владимірское и Туровское. Ярополкъ же уже черезъ нѣсколько лѣтъ поссорился съ своимъ дядей Всеволодомъ и былъ прогнанъ изъ своего княжества храбрымъ сыномъ послѣдняго—Владиміромъ Мономахомъ, въ 1085 году. Но Ярополкъ, убѣжавшій было въ Польшу, скоро опять примирился съ послѣднимъ, но на пути къ своему дядѣ Всеволоду лишился жизни отъ руки убійцы (22 ноября 1087 г.). Трупъ Ярополка сначала былъ перенесенъ во Владиміръ, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ на время былъ погребенъ въ церкви св. Димитрія. Изъ этой церкви онъ былъ торжественно перенесенъ 5 декабря въ церковь Апост. Петра, которую самъ началъ было строить, и тамъ похороненъ въ мраморной гробницѣ¹⁾. Его мать пережила его еще на много лѣтъ; по одной рутенской хроникѣ она умерла только 4 января 1108 г.²⁾

«Не попытался ли какъ-нибудь отецъ Ярополка, со времени своего возвращенія въ Кіевъ (іюнь 1077 г.), привести въ исполненіе заключенный отъ его имени договоръ съ папой—оставляемъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, такъ какъ не достаесть свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ этому. Но все-же, благодаря существованію рукописныхъ отвѣтовъ, къ

1) Хроника Нестора въ Monumenta Polonica historica. I. Lemberg 1864, стр. 754.

2) Balzer, Genealogia Piastów, стр. 92: «Церковь (во имя свв. апостоловъ Петра и Павла) находилась при Дмитріевскомъ мужскомъ монастырѣ. Татищевъ называетъ его Ярополкомъ-Петромъ, объясняя, что это явствуетъ изъ построенія имъ церкви св. Петра». (Гр. А. А. Бобринскій, о. с., стр. 354).

сожалѣнію оставшихся мнѣ недоступными, Кіевскаго архимандрита Θεодосія на вопросы Изяслава о римскомъ католицизмѣ и его исповѣданіи, я бы хотѣлъ высказать предположеніе, что послѣдній по крайней мѣрѣ долгое время носился съ мыслью о попыткѣ исполненія данного соглашенія. О такой попыткѣ Ярополка, который заключилъ данный договоръ съ папой отъ имени отца и съ согласія и побужденія матери, опять ничего не могутъ дать анналы и хроники.

«Только Гертрудіанскія молитвы и изображенія именно могутъ дать въ высшей степени интересныя разъясненія въ этомъ вопросѣ. Онѣ открываютъ намъ имя матери Ярополка — Гертруда, далѣе крестное имя Ярополка, а также имя его супруги — Ирина.

«Въ этомъ большомъ изобиліи Гертрудіанскихъ молитвъ между живыми ни разу не упоминается супругъ Гертруды — Изяславъ. Изъ этого заключаемъ, что послѣдній ко времени составленія молитвъ былъ давно уже мертвъ. Съ этимъ совпадаетъ одно обстоятельство, что въ тѣхъ же молитвахъ «король и всѣ князья» изображаются грозными врагами Петра, а также другое обстоятельство, что въ тѣхъ же молитвахъ Гертруда объята самыми тяжелыми заботами и боязнью о своемъ сынѣ, находившемся тогда въ походѣ во главѣ своего войска.

«Положеніе Петра-Ярополка и его матери, какъ оно выясняется въ молитвахъ, совершенно соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ, какъ можно доказать, они оба находились около начала 1085 года, незадолго до пораженія и бѣгства въ Польшу.

«Въ молитвахъ и миниатюрахъ Гертруда является искренно и усердно преданной римскому престолу Петра, какъ римско-католическая христіанка-которая съ особеннымъ усердіемъ почитаетъ св. Петра, князя Апостоловъ, обладающаго небесными ключами, основу, на которой Христосъ построилъ свою церковь и которому была ввѣрена забота о всѣхъ душахъ. Въ ея молитвахъ и въ первомъ изображеніи и ея сынъ Петръ представляется принадлежащимъ къ тому же направленію. Однако, приходится оставить нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, не ошиблась ли въ этомъ пунктѣ сама благочестивая мать въ силу любви къ сыну, котораго она въ страстной нѣжности часто называетъ своимъ «единственнымъ», или не обмануль ли простодупную мать ея сынъ, порочность котораго она сама признаетъ въ молитвѣ къ св. Петру, и не лицемерилъ ли онъ въ этой преданности къ св. Петру и его римскому престолу. Но если эта преданность была искренняя у Ярополка, на что какъ будто указываетъ начатая имъ постройка церкви, посвященной Ап. Петру, то все же и при тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи она должна была остаться безуспѣшной и она пришла къ концу съ его смертью.

«Безъ приложенныхъ пяти изображеній содержаніе Гертрудіанскихъ молитвъ осталось бы для насъ темной загадкой. Благодаря художественному исполненію, совсѣмъ неизвѣстный по имени живописецъ воздвигъ monumentum aere perennius не только себѣ, но и высокоинтересному эпи-

зоду въ исторіи Россіи XI вѣка, совсѣмъ обойденному молчаніемъ въ рукописныхъ историческихъ источникахъ.

«Относительно Гертрудіанскихъ молитвъ и изображеній остается рѣшить еще одинъ важный вопросъ: какъ Эгбертовская псалтырь изъ западно-германскаго Трира попала на дальній русскій Востокъ, гдѣ эта псалтырь получила указанныя приложенія? Это легко могло произойти двоякимъ образомъ: или польская королева Рикеца, или Трирскій соборный пробстъ Бурхардъ были посредниками въ этой передачѣ псалтыри.

«Рикеца — старшая дочь лотарингскаго Пфальцграфа Эренфрида, или Эццо, обладавшаго громадными помѣстьями на берегу Мозеля и нижняго теченія Рейна, а также въ восточной Тюрингіи и въ восточной Франконіи. Ея молодость совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Трирь постигли ужасающія войны и трирскій соборъ въ особенности превратился отчасти въ развалины. Тогда должно было быть очень легко для богатаго и могущественнаго отца Рикецы приобрести Эгбертовскую псалтырь. До окончания этихъ войнъ Рикеца вступила въ бракъ, въ 1013 г., съ польскимъ княземъ Мецко Ламбертъ, который по смерти своего отца, польскаго короля Болеслава I († 1025), завладѣлъ королевскою властью надъ Польшей, не обращая вниманія на своего старшаго своднаго брата Безприма Оттона. Но младшая дочь Рикецы стала въ 1050 г. супругой Изяслава, съ которой мы выше познакомились подъ именемъ Гертруды, какъ съ матерью Ярополка. Такимъ образомъ Эгбертовская псалтырь могла очень легко попасть изъ Трира во владѣніе Эренфрида, черезъ него — къ его дочери Рикецѣ, а чрезъ послѣднюю въ руки ея дочери Гертруды, въ Россію.

«Относительно соборнаго трирскаго пробста Бурхарда мы выше узнали, что его сестра Ода была супругой русскаго великаго князя Святослава и что онъ былъ посланъ въ январѣ 1075 г. германскимъ королемъ Генрихомъ IV въ Россію съ порученіемъ помирить своего шурина съ старшимъ братомъ послѣдняго — Изяславомъ. Такимъ образомъ также легко возможно, что Бурхардъ передалъ Эгбертовскую псалтырь во время своего путешествія, какъ посла, Гертрудѣ, супругѣ Изяслава, или своей сестрѣ Одѣ и что въ послѣднемъ случаѣ Ода послѣ смерти своего супруга оставила своей золовкѣ, великой княгинѣ Гертрудѣ, эту драгоценную книгу, напоминающую Гертрудѣ западно-германскую родину ея матери. Но я долженъ оставить нерѣшеннымъ вопросъ — попала ли псалтырь въ Россію черезъ Рикецу, или Бурхарда» (стр. 25—29).

Приложенный къ псалтыри календарь, по мнѣнію Зауэрланда, составленъ не безъ вліянія Чехіи: повторяется имя св. Вячеслава, Людмилы и имѣется отмѣтка объ *dedicatio ecclesiae sancti Wenceslai martyris*. Почеркъ письма XI—XII в.; заглавныя буквы часто золотыя; золотомъ отмѣчены въ письмѣ и главнѣйшіе праздники. Церковь св. Вячеслава, по мнѣнію автора, это — соборъ въ Прагѣ, въ которомъ этотъ святой былъ похороненъ. Нѣкоторые даты возбуждаютъ сомнѣніе. Постройка собора начата

въ 1060 г., освященіе — въ 1143, 30 сентября, что соотвѣтствуетъ датѣ календаря; въ лѣтописи указывается, что въ 1142 г. соборъ былъ разрушенъ пожаромъ; какъ же онъ могъ быть такъ скоро возстановленъ, чтобы черезъ годъ получить освященіе?

Другія помѣтки тоже относятся ко времени между 1145 и 1160 годами. Написаніе календаря не могло быть въ пражскомъ монастырѣ, такъ какъ чествованіе св. Вячеслава показано неправильно: 4-го марта вмѣсто 2-го. Нельзя предполагать, что календарь написанъ въ Польшѣ: указаны только дни смерти короля Болеслава III (1138) и жены его Саломеи (1144), но никого другого изъ родителей Болеслава.

Зауэрландъ склоняется болѣе къ тому мнѣнію, что календарь написанъ въ монастырѣ г. Цвифальтена¹⁾. Какъ значится въ описяхъ этого монастыря, герцогиня Саломея, жена Болеслава III, пожертвовала въ него «*unum psalterium magnum auro conscriptum*», каковымъ псалтыремъ былъ, вѣроятно, Эгбертовъ. Въ руки Саломеи псалтырь могла попасть изъ Россіи. Первая жена Болеслава III, Збогелава, была дочерью Святополка II; его же сестра была замужемъ за русскимъ княземъ; его сынъ Болеславъ IV былъ женатъ на Новгородской княжнѣ (1137 г.), а дочь его была помолвлена съ сыномъ Всеволода Ольговича (1140 — 1141 г.). Такимъ образомъ до смерти Саломеи (1144) псалтырь легко могла быть перенесена изъ Россіи въ Польшу.

Изъ Цвифальтскаго монастыря псалтырь около 1160 г. переходитъ въ руки графовъ Андексъ, а съ 1229 г. — въ руки св. Елизаветы Венгерской или отъ Гертруды, венгерской королевы, или отъ ея дочери Гедвиги, принадлежавшихъ той же фамиліи. Дядя св. Елизаветы, Бертольдъ, патріархъ Аквилеи, очевидно испросилъ псалтырь у нея для собора Чивидале, находившагося въ территоріи его владѣній.

II.

Мы уже указывали на важное значеніе изслѣдованія Газелова, которое слѣдуетъ за изслѣдованіемъ Зауэрланда. Было бы весьма трудно передать подробно содержаніе этого изслѣдованія, являющагося, можно сказать, образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, изучающаго, освѣщающаго памятникъ всесторонне, затрагивающаго коренные вопросы археологіи и

1) Газеловъ въ заключительной части своего изслѣдованія (стр. 198) полагаетъ, что календарь написанъ въ Россіи въ 1085 г. одновременно съ «русскими» миниатюрами. Дату 1143 г. Газеловъ не относитъ къ посвященію Трирскаго собора; но такимъ образомъ интересно установить, какая разумѣется въ календарѣ церковь Вячеслава. Гр. А. А. Бобринскій обращаетъ вниманіе русскихъ историковъ на это, какъ и на личность упоминаемаго въ поминальныхъ записяхъ *Demetrius infans*; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что вмѣсто *infans* можетъ быть можно читать *infortunatus*, и тогда видѣть здѣсь Изяслава (Дмитрія), убитаго 3-го октября (Записки Имп. Русскаго Арх. Общ., т. XII, 367).

исторіи искусствъ, какъ напр. о вліяніи Востока въ развитіи византійскаго искусства и искусства каролингскаго. Передадимъ кратко содержаніе изслѣдованія, отмѣчая особенно интересныя для нашей цѣли мѣста.

Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: первая, большая (45 — 173 стр.), посвящена первоначальной псалтыри Эгберта; вторая (173 — 194) русскимъ миниатюрамъ; въ приложеніи—о литаніяхъ псалтыри Эгберта, Рейхенаускаго сакраментарія во Флоренціи и Трирскаго въ Парижѣ, и нѣкоторыя дополненія къ исторіи Эгбертовской псалтыри. Въ первой части, въ первой главѣ г. Газеловъ подробно описываетъ всѣ изображенія рукописи, останавливается на вопросѣ о необычномъ распредѣленіи и рѣдкости изображеній, объясняетъ его, трактуетъ о нимбѣ Эгберта и жестахъ епископовъ, подробно перечисляетъ цвѣта и способъ живописи, и всѣ особенности орнаментальныхъ украшеній, бордюровъ, фоновъ, инициаловъ, письма.

Во второй главѣ авторъ устанавливаетъ границы каролингскаго и оттонскаго искусства, останавливается на дѣятельности архіепископа Эгберта и на сохранившихся памятникахъ, связанныхъ съ его именемъ и имѣющихъ къ нимъ ближайшее отношеніе: Эгбертовомъ кодексѣ, регистрѣ Григорія и др., и на отношеніи перваго и другихъ къ Эгбертовой псалтыри.

Въ третьей главѣ авторъ подробно впервые изслѣдуетъ малоизвѣстную рукопись — Евангеліарій изъ аббатства Пуассе, въ Парижской Национальной Библіотекѣ, и устанавливаетъ ея связь съ группой Эгбертовскихъ рукописей.

Въ четвертой главѣ авторъ разсматриваетъ рядъ другихъ родственныхъ рукописей и останавливается на отношеніи такъ называемой группы «Ада» въ техническомъ и стилистическомъ отношеніи къ Эгбертовской псалтыри, и на древне-византійскихъ источникахъ той же группы, и пути ихъ передачи. Послѣдняя часть этой главы представляетъ особый для нашей задачи интересъ.

Авторъ справедливо отмѣчаетъ ошибку Яничека, полагавшаго, что восточное вліяніе въ украшеніи рукописей группы Ада ограничилось главнымъ образомъ областью декораціи. Въ дѣйствительности оно касалось какъ орнаментальной, такъ и иконографической области. Уже прежніе изслѣдователи указывали на связь группы Ада съ памятниками слоновой кости, изъ которыхъ многіе отмѣчены византійскимъ вліяніемъ, или происхожденіемъ. Авторъ это вліяніе подчеркиваетъ и указываетъ на новѣйшіе успѣхи археологіи въ изученіи памятниковъ слоновой кости, напр. въ вопросѣ о происхожденіи ихъ. Отмѣчаетъ онъ это вліяніе и на основаніи нѣкоторыхъ византійскихъ рукописей. Газеловъ полагаетъ, что въ Сиріи — родина школы, изъ которой произошли нѣкоторыя направленія группы Ада. Но какимъ путемъ установилась связь между каролингскимъ и сирійскимъ искусствомъ, по его словамъ—это ускользаетъ отъ нашего знанія.

Пятая глава особенно интересна и поучительна въ чисто методологическомъ отношеніи, и обнаруживаетъ въ авторѣ критическій талантъ, умѣнье разобраться въ матеріалѣ и дать ему надлежащую оцѣнку.

Авторъ привлекъ богатый матеріалъ по исторіи нѣмецкаго искусства въ эпоху Оттоновъ и установилъ большое значеніе для этой эпохи школы въ Рейхенау, гдѣ получила, по его мнѣнію, происхожденіе Эгбертова псалтырь.

III.

Особый интересъ и значеніе по отношенію къ русско-византійскому искусству имѣетъ вторая часть изслѣдованія Газелова, посвященная такъ называемымъ русскимъ миниатюрамъ.

Авторъ подробно описываетъ всѣ пять миниатюръ, указанныя уже выше, изъ коихъ на одной изображенъ ап. Петръ и молящіеся: мать Ярополка на колѣняхъ у ногъ Апостола, Ярополкъ и его супруга—стоящіе и протягивающіе въ моленіи руки въ направленіи къ Апостолу (табл. 42); на другой—Рождество Христово: представлено зданіе въ видѣ храма съ тремя куполами, и тремя нефами, какъ бы въ поперечномъ разрѣзѣ, въ центральной части—въ обычной композиціи Рождество Христово; съ яслями, волхвами, Богородицей, смотрящей въ противоположную (отъ волхвовъ) сторону; съ Іосифомъ сидящимъ въ задумчивой позѣ, съ бабкой Саломеей, моющей младенца, Ангелами, пастухами; въ аркѣ купола центрального по сторонамъ луча отъ звѣзды по ангелу; фонъ боковыхъ нефовъ, и вообще фонъ всей миниатюры заполненъ разнообразнымъ цвѣтнымъ орнаментомъ. (Табл. 43).

На третьей миниатюрѣ—какъ бы копія эмалеваго оклада Евангелія: въ квадратѣ по угламъ въ медальонахъ по грудь—Евангелисты; въ центрѣ Распятіе Христа; рамочка, въ которую заключены изображенія, фоны медальоновъ и другія детали указываютъ на копированіе въ миниатюрѣ эмалеваго образца. (Табл. 44).

На четвертой миниатюрѣ—какъ бы противоположная сторона оклада Евангелія съ специальными изображеніями вкладчиковъ, заказчиковъ: Христосъ на тронѣ, возлагающій вѣнцы на предполагаемыхъ по аналогіи съ изображеніями въ первой миниатюрѣ Ярополка и его супругу, которыхъ рекомендуютъ Христу стоящіе сзади нихъ Ап. Петръ и св. Ирина; надъ Христомъ—символы Евангелистовъ; у ногъ—троны. (Табл. 45).

На пятой миниатюрѣ (таб. 46)—Богородица на тронѣ съ Младенцемъ; въ рамкахъ съ орнаментомъ—копіи эмалеваго образца.

Эти вышеуказанныя миниатюры, называемыя Газеловымъ «русскими», по его словамъ, «безконечно живописнѣе обработаны, чѣмъ трирскія, однако онѣ не достигаютъ ступени живописной обработки, свойственной средневизантійскимъ памятникамъ...». Авторъ отмѣчаетъ связь ихъ техники съ византійской, и связь въ колоритѣ. Онъ замѣчаетъ также, что

общій характеръ миниатюръ — чисто византійскій, и что только внимательное разсмотрѣніе ихъ можетъ привести къ открытію признаковъ, по которымъ происхожденіе ихъ можно отнести къ Россіи, во второй половинѣ XI вѣка (стр 178). Разбирая детально, авторъ находитъ сходство съ чисто византійскими памятниками въ композиціи, костюмахъ.

Въ композиціи Распятія г. Газеловъ отмѣчаетъ какъ особенность — солнце и луну въ видѣ человѣческихъ лицъ, находя ее очень рѣдкой въ Византіи: съ этимъ нельзя согласиться, и эта деталь особеннаго значенія къ существенному вопросу о происхожденіи миниатюръ не имѣетъ; болѣе интересна другая особенность — по отношенію къ вопросу о вліяніи западныхъ образцовъ на византійскіе — изображеніе женской фигуры, собирающей кровь въ чашу.

Авторъ совершенно правильно отвергаетъ предположеніе Зауэрланда, что это — мать Ярополка, и равно правильно указываетъ, что это — олицетвореніе церкви; примѣры, приводимые имъ, и сопоставленіе ихъ убѣждаютъ насъ еще болѣе въ томъ, что въ данномъ случаѣ ни о какомъ западномъ вліяніи рѣчи не можетъ быть ¹⁾.

Отмѣтивъ иконографическое и стилистическое сходство описываемыхъ миниатюръ съ чисто византійскими, г. Газеловъ ничего существеннаго не отмѣтилъ въ нихъ такого, что указывало бы несомнѣнно на работу русскаго мастера. «Русское (въ миниатюрахъ), говоритъ авторъ, — орнаментальный вкусъ, который помѣстилъ изображенія въ это чрезвычайное изобиліе орнамента. Византійское искусство чуждо этого. Тамъ, гдѣ цѣлое изображеніе, орнаментъ ограничивается бордюромъ тонкой, часто лишенной украшенія полосочкой». Далѣе авторъ оговаривается, что «въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имѣется болѣе богатая орнаментика, какъ напр. въ рукоп. Григорія Назіанзена Парижской Національной Библіотеки (gr. № 543), но, однако, и она всегда въ скромныхъ границахъ, какъ напр. здѣсь въ посвятительномъ образѣ къ Богородицѣ». Исключеніе, по мнѣнію автора, въ выходной миниатюрѣ гомилій Іакова Кокцинабафскаго, гдѣ, однако, реальная архитектура, а не такая орнаментика, какъ въ Распятіи, съ обрамленіемъ, заимствованнымъ по образцу виньетокъ византійскихъ рукописей. Образецъ для подобныхъ изображеній авторъ видитъ въ виньеткахъ евангельскихъ кодексовъ, гдѣ встрѣчаются и евангельскія сцены. Но дальнѣйшее развитіе этого орнаментальнаго представленія, по мнѣнію автора, нашло себѣ мѣсто въ русскомъ искусствѣ, какъ «чисто русская» особенность (стр. 185).

Съ вышеназванными заключеніями автора объ отсутствіи богатой орнаментики, окружающей самостоятельныя композиціи и отдѣльныя изображенія, равно съ заключеніемъ о преобладаніи орнаментики въ ущербъ внутренняго содержанія, какъ особенности русскаго искусства, —

1) См. замѣчаніе объ олицетвореніи церкви въ сценѣ Распятія въ статьѣ «Сирійская рукопись Евангелія съ миниатюрами XIII вѣка Библіотеки Британскаго Музея» (Зап. Импер. Одесс. Общ. Исторіи и Древностей, XXI т.).

никакъ нельзя согласиться. Изучавшему памятники XI—XII в. византийскаго искусства извѣстно, что декоративное направленіе въ это время получило въ немъ особое развитіе. Особенно оно выразилось напр. въ миниатюрахъ рукописей Григорія Богослова. Разматривая миниатюры этихъ рукописей, акад. Кондаковъ говоритъ: «Главная черта ихъ въ редакціи (XI—XII в.) — ихъ *декоративное* направленіе: каждая композиція, хотя бы главнаго сюжета, дается здѣсь внутри широкой орнаментальной рамки, и что особенно характерно — чѣмъ позднѣе рукопись, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, отходить она отъ древняго типа, тѣмъ шире эта рамка и тѣмъ сложнѣе она по своему рисунку¹⁾». Мы отмѣчали выше, при описаніи пяти миниатюръ, подражаніе ихъ какъ бы эмали, получившей особенно широкое развитіе въ ту-же эпоху блестящаго расцвѣта; это подражаніе неудивительно при общемъ сходномъ направленіи въ искусствѣ; развитіе же направленія особенно въ миниатюрахъ, т. е. въ области, отчасти принадлежащей къ производству промышленному, художественной индустріи, по словамъ Н. П. Кондакова, указываетъ болѣе всего на оригинальность, народность этого орнамента въ Византіи²⁾.

Самъ Газеловъ, какъ мы видѣли, указалъ на наиболѣе характерные примѣры декоративнаго направленія миниатюръ, образцы котораго имѣемъ въ тѣхъ же пяти изслѣдуемыхъ такъ называемыхъ русскихъ миниатюрахъ. Эти примѣры можно значительно увеличить, но достаточно указать еще напр. на рукопись Григорія Богослова № 556 (см. л. 153, гдѣ Крещеніе окружено большой, широкой рамкой, заполненной орнаментомъ, птицами, зайцами), и особенно на рукопись Григорія Богослова, № 339, XII в. Синайской Библіотеки, по богатству, замысловатости и тонкости декоративной стороны превосходящей парижскую. Изъ миниатюръ рукописи особенно выдѣляется выходная, имѣющая близкое сходство въ своей архитектурѣ съ «русскою», на которой изображено Рождество Христа. «Внутри трехъ-арочнаго портика, составляющаго лицевой фасадъ большого трехкупольнаго храма съ пристройками въ видѣ башенъ и домовъ, Григорій Богословъ пишетъ свои «слова», сидя на большомъ игуменскомъ креслѣ; Христосъ, изображенный въ сегментѣ неба, его благословляетъ справа. Субструкціи портика образуютъ родъ монументальнаго сооруженія въ рустику, съ тремя окнами и двумя входами въ видѣ широкихъ арокъ; въ нихъ изображены два фонтана...; по сторонамъ портика, внутри двухъ мраморныхъ киворіевъ, или алтарныхъ балдахиновъ, съ затворенными дверцами, видны растенія и цвѣты. Въ сводѣ раскрытой главной абсиды видно изображеніе Богородицы — съ Младенцемъ передъ собой, на колѣняхъ. Все пестрѣетъ разноцвѣтными мраморами, блестящими красками и богатствомъ деталей. Кромѣ различныхъ любопыт-

1) Путешествіе на Синай въ 1881 г. Одесса, 1882, стр. 144.

2) Ibid.

ныхъ данныхъ по архитектурѣ, кладкѣ и т. д., слѣдуетъ особенно замѣтить изображенія рѣзныхъ дверей и крестовъ на куполахъ»¹⁾).

Въ другихъ миниатюрахъ той-же рукописи — предъ началомъ того или иного слова — большія рамочки съ замѣчательно пышнымъ, красивымъ орнаментомъ; фонъ квадрата, обрамляемаго рамочкой, заполненъ также цвѣточнымъ орнаментомъ, и только середина занята изображеніемъ, относящимся къ слову: напр. на Пятидесятницу — Сошествіе св. Духа, на Рождество Христово — сцена Рождества Христова и т. д.; послѣдняя сцена представлена въ совершенно почти сходномъ орнаментальномъ обрамленіи, въ какомъ сцена Распятія въ «русской миниатюрѣ».

Такимъ образомъ во всемъ томъ, въ чемъ г. Газеловъ видитъ какъ бы чисто русскую особенность, нѣтъ ничего спеціально русскаго, а тоже византійское.

Г. Газелову можно поставить въ заслугу, что онъ старается по возможности точнѣе установить связь между описываемыми и изслѣдуемыми имъ пятью «русскими» миниатюрами и извѣстными современными ему русскими памятниками.

Изъ этихъ памятниковъ ему извѣстны изъ того же XI вѣка, къ которому относится Эгбертовская псалтырь, — *Остромирово Евангеліе* (1056—1057 г.) и *Изборникъ Святослава* (1073 г.).

На основаніи хромофотографированныхъ таблицъ, имѣющихся въ изданіи перваго памятника²⁾, онъ описываетъ три миниатюры съ изображеніемъ Евангелистовъ: Іоанна, Луки и Марка, сравнивая, на сколько возможно, ихъ съ «русскими» миниатюрами Эгбертовской псалтыри. Это сравненіе приводитъ его къ тому заключенію, что между однимъ и другимъ памятникомъ можно установить общее родство, какъ въ орнаментѣ такъ и въ стилѣ, имѣющихъ общій источникъ въ средневизантійскомъ искусствѣ. Въ техническомъ отношеніи, говоритъ Газеловъ, миниатюры перваго памятника (*Остромирово Евангеліе*) — въ большей мѣрѣ орнаментальны; онѣ болѣе работа мастера эмали, чѣмъ книжнаго живописца (стр. 87). Но такое родство устанавливается не только между этими памятниками, но и между множествомъ другихъ, при томъ чисто византійскими; такимъ образомъ въ указанной особенности нѣтъ ничего спеціально русскаго.

Далѣе авторъ разсматриваетъ миниатюры *Изборника Святослава*,

1) Н. П. Кондаковъ, о. с., 149. Описанныя архитектуры, можно предположить, не фантазія художника, а воспроизведеніе реальной. Быть можетъ въ данномъ рядѣ зданій — мы имѣемъ воспроизведеніе зданій монастыря Всеволодычицы Богородицы на островѣ св. Гликеріи (о. Лемность), для котораго данная рукопись была заказана уроженцемъ этого острова каингуменомъ «царскаго» монастыря Пантократора въ Константинополь, Іосифа. См. у Н. П. Кондакова посвятельную надпись, которая находится на выходномъ листѣ рукописи.

2) *Остромирово Евангеліе* 1056—1057 г. (Второе) фотографическое изданіе. Изданіемъ потомственнаго почетнаго гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. СПб. 1889 (Авторъ цитируетъ изданіе 1883 года).

пользуясь изданіемъ Общества Любителей Древней Письменности ¹⁾. Наиболѣе отмѣченную чертами русскаго происхожденія миниатюру съ изображеніемъ великокняжеской семьи г. Газеловъ опускаетъ при своемъ разборѣ, какъ не имѣющую отношенія къ «миниатюрамъ Ярополка».

Въ остальныхъ миниатюрахъ «Изборника» онъ специально останавливаетъ свое вниманіе на архитектурно орнаментальномъ обрамленіи, въ которомъ заключены изображенія святыхъ. Это обрамленіе состоитъ изъ квадратной рамки, заполненной цвѣточнымъ орнаментомъ и вписанной въ нее арки, фонъ которой заполненъ тѣмъ же орнаментомъ. На рамѣ сверху, въ свою очередь на одной или трехъ малыхъ аркахъ (средняя большая), покоится по куполу, обрамленному рамкой съ цвѣтами, фонъ купола заполненъ также разнообразнымъ орнаментомъ. Г. Газеловъ, указывая на общее сходство обрамленія въ видѣ зданія съ куполами въ Изборникѣ Святослава съ обрамленіемъ въ кодексахъ Эгберта, въ миниатюрахъ съ изображеніемъ Рождества Христова, останавливается кратко на разборѣ орнамента. Заключение автора таково: и данная рукопись по духу сходна съ миниатюрами, вставленными въ рукопись Чивидале; но эмалевая техника здѣсь не господствуетъ, какъ въ Остромировомъ Евангеліи, здѣсь скорѣе живописное теченіе, какъ и въ русскихъ миниатюрахъ Гертрудіановскаго кодекса. Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться: живописное теченіе одинаково и въ Остромировомъ Евангеліи, подражаніе-же образцамъ въ эмали здѣсь не менѣе, чѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи.

Послѣ слишкомъ общаго разсмотрѣнія вставленныхъ въ Гертрудіановскій кодексъ пяти миниатюръ, недостаточнаго сравнительнаго изслѣдованія ихъ съ чисто византійскими памятниками и послѣ еще болѣе недостаточнаго изслѣдованія сравненія ихъ съ русскими памятниками трудно согласиться съ заключеніемъ Газелова, что задача введенія Гертрудіановскаго кодекса въ исторію русской живописи разрѣшена, что онъ на ряду съ Остромировымъ Евангеліемъ и Изборникомъ Святослава является важнѣйшимъ памятникомъ книжной живописи XI вѣка, что онъ ²⁾, быть можетъ, созданъ въ Кіевѣ, какъ политическомъ и духовномъ центрѣ Россіи. Авторъ не рѣшается отвѣтить, былъ ли миниатюристъ византіецъ, или русскій, но своимъ послѣдующимъ заключеніемъ, что разсмотрѣнныя рукописи (т. е. пять миниатюръ, и Остромирово Евангеліе, и Изборникъ) свидѣтельствуютъ болѣе объ общемъ знакомствѣ съ византійскимъ искусствомъ, включительно съ индустріальной техникой, какъ напр. эмалевой, чѣмъ специально съ византійской книжной живописью, — онъ, очевидно, ясно отвѣчаетъ, что это—миниатюристъ русскій.

Въ несомнѣнности русскаго происхожденія миниатюръ Остромироваго Евангелія и Изборника Святослава, отличающихся, однако, сильнымъ

1) Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года (№ LV). СПб. 1880.

2) Разумѣются все тѣ-же пять миниатюръ.

византизмомъ, въ такой степени, что ихъ можно отнести къ чисто византийскимъ памятникамъ, нельзя сомнѣваться; но что же касается вопроса о русскомъ происхожденіи миниатюръ, вставленныхъ въ Гертрудіановскій кодексъ, то рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ требуетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ они представлены г. Газеловымъ.

Русская археологія можетъ быть благодарна г. Газелову, затронувшему весьма интересный вопросъ о древнѣйшихъ памятникахъ русской живописи. Г. Газеловъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что могъ, для уясненія этого вопроса при условіи работы за границей. Можно только пожелать, чтобы тѣ-же русскіе памятники, какъ и весьма важныя, интересныя и для русской исторіи и искусства вставныя миниатюры Гертрудіановскаго кодекса, нашли должную оцѣнку и изслѣдованіе въ русской научной литературѣ, не имѣющей еще до сихъ поръ специальныхъ монографій, посвященныхъ имъ.

Е. Рѣдинъ.

Харьковъ.

Январь, 1902.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

А. П. Лебедевъ, *Историческіе очерки состоянія византийско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году.* Изданіе второе, пересмотрѣнное. Москва. 1902. Стр. 489.

Въ книгѣ шесть главъ и одно приложение. Въ первой главѣ (стр. 1—44) излагается взглядъ на взаимное отношеніе церкви греческой и латинской въ теченіе XI—XV вѣковъ. Въ эти времена взаимное нерасположеніе церквей, возникшее въ IX вѣкѣ, прогрессивно возрастало, вслѣдствіе новыхъ столкновеній между греками и латинянами. Однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ отчужденію грековъ и латинянъ, были крестовые походы. Прежде всего, во время этихъ походовъ византийскую имперію наводнили разнаго рода западные предприниматели и выходцы съ экономическими задачами, сильно повредившіе экономическому благосостоянію имперіи. Захвативъ въ свои руки нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли, западные выходцы дерзко и вызывающе относились къ грекамъ и возбудили въ нихъ большую къ себѣ ненависть. Затѣмъ, крестовые походы, какъ извѣстно, сопровождались грабежами, убійствами грековъ, разореніемъ городовъ, оскорбленіемъ православныхъ святынь и т. п. Въ 1185 году крестоносцы овладѣли Фессалоникой и подвергли ее совершенному опустошенію. Въ 1204 году былъ завоєванъ и Константинополь, который также былъ разоренъ и на половину сожженъ. Основавъ на его развалинахъ латинскую имперію, крестоносцы стали